

Такая вот весна

Весну мы носим на своём горбе
И слышим скрип сустава при ходьбе
И стон шлагбаума в приветственном поклоне.
В тепле мои стерильные ладони,
И есть иммунитет к стерильной тишине.
Ведь нет плохой погоды у природы,
На каждый шаг свои найдутся коды.
Застывший тихий час по всей стране.
Остановись, мгновение, извне.

Скоро четверть века

Часовая стрелка отлежала бок.
Скоро четверть века, повторяет Блок.
Кажется, лишь повод облачиться в текст,
Где размером с город вспыхнет манифест.

Мы доске почёта больше не нужны.
Вспоминает кто-то из другой страны,
Как с тяжёлым вздохом садит нас на клей.
Из другой эпохи слово «юбилей».

В феврале чернила доставать нельзя.
«Всё однажды было», — вторят мне друзья.
Начинай сначала, будто нет и лет.
Головой качает психотерапевт.

Если я в порыве не сказал: «Merci»,
Сберегу в архиве пыльное «прости».
И билет счастливый сохраняю впрок,
Ведь прекрасно было тем, кто так далёк.

Пишут мемуары чаты и скрины.
Мы уходим в баны, избежав войны.
Цепи, а не цели образуют путь,
И фольгою время хочет обернуть.

Мишка не виновен, мишка улетел.
Заблудились в море тел и антител.
Время нам не лекарь, время нам — курок.
Скоро четверть века, повторяет Блок.

Наши жизни — пули. Выстрел — и опять
Мы к груди прильнули и тревожим мать.
Разливают масло, а не молоко.
Где-то там прекрасно, только далеко.

Самолёт

Мой самолёт назвали в честь поэта.
Немудрено, ведь где-то под шасси
Живёт планета, полная любви,
Её не застрелить из пистолета.
И те же облака — пусть физика одна,
Не покидает ощущение сна.
Вот видишь, незаметно пролетает
Чуть ниже уровня крыла
Душа твоя. Белеют купола
Воздушных масс — то воплощенье рая
Из вечных снов.

И я на всё готов,
Когда рукой потрогать можно город,
Когда горе застёгиваешь ворот,
Планете останавливаешь кровь.
Пробьётся луч сквозь толстое стекло,
Наверно, что-то светлое взбрело.
И сто ударов в такт сердцебиению.
Я здесь оставлю мысли на хранение.
Условие одно — источник света.

Мой самолёт назвали в честь поэта.

Поезд

Я жду начала новых строк.
Мой дом — Москва, Владивосток,
Седьмой вагон. И вновь погон
Кладёт на плечи вещей сон.

Глаза бегут по проводам,
Любовь — по моногородам,
А вот и БАМ. Привет всем вам,
Пока не вымершим мирам.

Зимою дышит весь плацкарт,
Ещё февраль — и завтра март.
А я распят, совсем не свят,
Меня когда-нибудь простят.

Опять над избами дымит,
И где-то там метеорит
Пока летит и сладко спит,
На сутки выпав из орбит.

Спят все на станциях вожди,
Ты мне навстречу не иди,
А только жди. Давай без лжи.
Тебе — другие рубежи.

И я смотрю с моста на лёд,
Где рыба больше не клюёт,
И треснет лёд. Рыбак уйдёт,
Когда-нибудь и мой черёд.

Любой забудет этот страх,
Ведь поезд мчит на всех парах,
Мрак в небесах и на устах,
Во всех невидимых местах.

Зачем всё это... Нет, не жаль,
И бог найдёт свою скрижаль.
Не провожай. Внутри пожар,
И поезд превратится в пар.

Детский домик

Песчаная дорожка в старом парке, усыпанная листьями навек,
Меня приводит на картинку с марки, почти забытый,
одинокий берег.

Давно уж пруд покрыт зелёной тиной,
отсюда время будто бы ушло,
И люда нет, а значит, нет рутины, и тихо дремлет Царское село.
Средь водной глади виден только остров,
он создан человеческой рукой.

Здесь домик есть, спланирован он просто.
История уходит на покой,
Забудет современник место это, останутся лишь память и стихи,
Стихи давно забытого поэта, пускай они и будут так плохи.
Как жаль, в то время не было экранов и камер,
что рождают нам кино.

Я снял бы фильм, как маленький Романов
играет здесь с сестрою в домино.

Но кончено, паромы затонули, и детство в консервацию ушло.
Попала в цель отправленная пуля. Я вижу запотевшее стекло,
Замок на двух дверях такой тяжёлый,
что двое не поднимут этот груз.

Закрыта императорская школа сейчас не император, не Союз,
Совсем другие времена настали. Спасибо, заколачивайте дверь.
И Александр Романов после бала вернётся вновь
в дворцовую постель.

Петербургское

«Сапсан», прибывающий к морю, — классический ныне побег.
В железное время в фаворе бессмертный Серебряный век.
Когда ещё дремлют каналы, луна заправляет постель,
Столовая, что у вокзала, уже принимает гостей.

Атлант, охраняющий город, к земле ненадолго приник —
Дожди из лагунных жетонов в метро образуют час-пик.
Впитали ребристые крыши следы от вчерашней пурги.
Трамвай электричеством дышит, уже нарезая круги.

Врезается шпиль томагавком в нависшую серую мглу,
А солнце метнулось в Канавку, как пуганый пёс в конуру.
Следы молодого повесы веками брусчатка хранит,
И только засилье прогресса тревожит классический вид.

Закрытые на зиму боги не спят в деревянных гробах,
Весною пропахшие строки бурят вековой ледостав,
И мартовский приступ веселья настиг эрмитажных котов,
В столицу вернулся Есенин, но только в обличье стихов.

Несётся в автобусе детском в музей на экскурсию класс,
А где-то гуляет Введенский и жить не торопится Хармс.
Среди бесконечных потоков и их углекислых паров
В училище едет Набоков, свидания ждёт Гумилёв.

Эпох пролетело немало. Сжимается время в тиски,
Уже москвичи на вокзале и лёгкие их рюкзаки
Спешат поскорее умчаться, чтоб снова вернуться сюда,
В тот город, где мнимое счастье встречает большая вода.